

Л. С. Бляхман

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНЫЙ КАПИТАЛИЗМ: ВЫЗОВЫ МОДЕРНИЗАЦИИ И УРОКИ ДЛЯ РОССИИ

Системный кризис последних лет показал, что индустриальный капитализм, каким его знали и исследовали А. Смит, К. Маркс, Дж. Кейнс и другие выдающиеся экономисты, изжил себя. Необходим переход к новой экономической системе. Оценка ее места в истории развития общества, выявление и анализ существенных черт этой системы имеют определяющее значение для разработки комплексной программы модернизации российской экономики и формирования глобального механизма социально-экономического и технолого-экологического регулирования.

О периодизации этапов развития общества: новая форма капитализма

Рыночная экономика — старейший институт цивилизации. Производство товаров для обмена на базе общественного разделения труда с использованием денег и других финансовых инструментов зародилось еще в древние времена в Месопотамии, Китае, Греции и Риме и возродилось в Европе (прежде всего в Северной Италии) в X–XII вв. Поэтому неправомерно представлять российскую трансформацию как переход от плановой к рыночной экономике. Советская экономика была рыночной, хотя и не капиталистической; современная контрактная экономика является планомерной, поскольку ее пропорции в тех или иных масштабах формируются сознательно. Изменяются только субъект планирования (государство или относительно автономные хозяйствующие субъекты), его формы (административное задание или контракты различного типа и длительности, основанные на прогнозировании, маркетинге и бенчмаркинге) и масштабы (конкретная транзакция или организация научно-производственного цикла вплоть до обслуживания конечных потребителей).

Периодизация этапов развития рыночной экономики определяется исходной теоретической концепцией. Марксизм выделяет пять общественно-экономических формаций, которые различаются типом собственности, социальной структурой и господствующим классом. Экономическая история предстает в виде общей для всех стран лестницы, ступени которой различаются по производительности труда (В. И. Ленин

Леонид Соломонович БЛЯХМАН — д-р экон. наук, профессор кафедры экономики предприятия и предпринимательства СПбГУ. Заслуженный деятель науки РФ. В 1953 г. окончил Экономический факультет ЛГУ. Защитил кандидатскую (1956) и докторскую (1964) диссертации. С 1953 г. преподает на факультете. Подготовил более 100 кандидатов и докторов наук. Является почетным профессором Казахского экономического университета им. Рыскулова. С 1995 г. эксперт Межпарламентской ассамблеи СНГ. Научные интересы — теория структурных и хозяйственных реформ, экономика НТП, экономика и социология труда. Автор более 350 научных работ, соавтор и научный редактор более 30 монографий по проблемам научно-технической революции, экономики науки, хозяйственных реформ, экономики предприятия, экономики труда. Ряд работ опубликован на немецком, польском, английском языках.

© Л. С. Бляхман, 2011

прав — это самое важное, самое главное для победы нового общественного строя). Однако эта производительность в России и в начале, и в середине, и в конце XX в., и сейчас остается на том же уровне по сравнению с США (по данным Всемирного банка — 30–33%). ГДР не смогла обогнать ФРГ, Северная Корея все больше отстает от Южной. Это доказывает, что марксистская периодизация не является универсальной.

Другая концепция, которая ведет свое начало от А. Тойнби, представляет общество как клумбу, в которой рождаются, расцветают и увядают различные цивилизации (их общее число — несколько десятков). Восточно-азиатская цивилизация, основанная на конфуцианской морали, процветала в Средние века, когда Китай производил треть мирового ВВП, а сейчас возрождается благодаря трудолюбию, упорству в освоении мирового опыта и скромности потребительских запросов миллиардов жителей этого региона [1].

Упадок североатлантической цивилизации связан с кризисом потребительского общества, в котором реклама заставляет потребителей покупать то, что им не нужно, за деньги, которых у них нет, чтобы произвести впечатление на людей, которых они не любят. При этом рабочие места в реальной экономике перемещаются в другой мир либо замещаются представителями другой цивилизации в своей стране. По данным «Goldman Sachs», доля США в мировом ВВП в 2000–2010 гг. сократилась с 31 до 24%, США отстают от Бразилии, Китая и Индии в качестве предпочтительного места для инвестиций. Многие страны Азии избежали «пузырей» в активах, сохранили платежеспособность банковской системы, улучшили свои торговые и финансовые позиции.

Цивилизационный подход характерен также для институционально-эволюционной теории, которая связывает различия в типах рыночной экономики со спецификой формальных (правовых), организационных и неформальных институтов, определяющих образ мышления, жизни и экономического поведения жителей данной страны и региона. В США и Великобритании сложился индивидуалистический менталитет, согласно которому каждый должен сам заботиться о благополучии своей семьи, налоги должны быть минимальными, а большие социальные различия вполне допустимы.

В континентальной Европе, особенно в Скандинавии, сложилась иная система ценностей: общество должно активно помогать тем, кому не повезло, высокие налоги оправданны, а чрезмерные социальные различия недопустимы. Как показало социологическое исследование в тридцати двух странах Европы, для России в 2010 г. характерна индивидуалистическая ценностная ориентация. 48% опрошенных поставили на первое место личные, а не коллективные, общественные и экологические интересы. Такие же данные характерны для Украины, Словакии, Турции — в отличие от стран Западной Европы и Скандинавии. 33% россиян выступают за сохранение существующего положения в стране и только 17% — за изменения [2]. Такая ценностная ориентация создает культурный барьер для модернизации, предполагающей совместную деятельность по изменению существующих институтов, которая далеко не всегда приносит немедленную выгоду всем ее участникам.

С именами А. Богданова и Н. Кондратьева связана периодизация развития экономики по формам организации производства. С. Глазьев [3] выделяет шесть технологических укладов (совокупность базовых технологий, определяющих эффективность труда). В середине XX в. многие страны освоили пятый, информационный технологический уклад, что существенно увеличило темпы экономического роста. По данным «Reuters», в 2011 г. число пользователей Интернета превысит 2 млрд — одну треть че-

ловечества, в том числе в развитых странах — 71%, а в развивающихся — 21%. Число абонентов сотовой связи превысило общее число земель, в России в 2011 г. их было более 300 млн человек. Достижение предела эффективности этих технологий снизило рентабельность инноваций. Возврата к прежним высоким темпам экономического роста можно ожидать лишь с началом нового Кондратьевского цикла — через 10–15 лет.

Другие сторонники указанной периодизации выдвигают на первый план энергетику. Уголь стал основой промышленной революции XVII в. в Англии, а затем в Германии, нефтяная эра, начавшаяся в конце XIX в., обусловила экономическое господство США, а альтернативная энергетика преобразит будущее. Нефтегазовые ТНК, в отличие от российских компаний, активно развивают солнечную, ветровую и водородную энергетику, несмотря на ее дороговизну. Россия занимает первое место в мире по добыче (в 2011 г. — более 500 млн т) и экспорту, но лишь седьмое по запасам нефти (10,2 млрд т). По данным проекта генеральной схемы развития отрасли, до 2020 г. без громадных инвестиций (7 трлн рублей) и сокращения налоговой нагрузки (эта отрасль дает половину дохода бюджета) добыча нефти сократится на 21%, что подорвет «экономику трубы». По расчетам И. Башмакова [4], у России есть всего 10–15 лет для перехода от ресурсно-сырьевой к инновационной модели развития экономики.

В течение многих лет между сторонниками различных концепций и классификаций форм экономического развития велись ожесточенные дискуссии. В последние годы удалось разрешить многие теоретические проблемы, что создало новый синтез экономических теорий и позволит принимать более обоснованные макроэкономические решения [5]. Вместо абстрактных разработаны поведенческие экономические модели, тестируемые на основе реальных данных, учитывающие несовершенство рынков, реальное поведение хозяйственных субъектов, которые действуют в условиях монополии, а не совершенной конкуренции, не располагают полной и достоверной информацией, часто поступают вопреки рациональным ожиданиям. Это поведение определяется не только экономическими условиями, но и различиями в культуре, менталитете, праве и политике, которые изучаются социологией, политологией, психологией и т. д.

Экономический строй большинства стран мира определяется как капитализм, а капитал — как производственный ресурс длительного пользования, принадлежащий независимым, преимущественно негосударственным собственникам, стоимость которого возрастает благодаря производству товаров и организации трансакций между хозяйственными субъектами. Капитализм — вид рыночной экономики, при котором основную массу товаров и услуг производят собственники и титульные владельцы капитала, конкурирующие между собой и заключающие друг с другом юридически обязывающие контракты. Экономику России можно назвать лишь псевдокапиталистической, поскольку не обеспечиваются реальная конкуренция, защита собственности и контрактов, отделение власти от бизнеса.

Макродинамика капитализма, как свидетельствуют современные исследования, позволяет синтезировать многие выводы Маркса, Кейнса и Шумпетера [6]. В ряде монографий анализируются источники роста и причины падения капитализма в конце XX в., провалы экономики благосостояния, проблемы перехода от дирижизма к свободному рынку и связанные с этим изменения рынка труда и социального страхования [7]. Исследования ученых Гарвардского университета показали, что глобальный капитализм в его сложившемся виде не имеет перспектив из-за роста неравенства между государствами и внутри них [8].

В недавно вышедшей работе ученых Кембриджского университета исследуется кризис социальной структуры в условиях превращения производственного капитализма в глобальный финансовый [9]. Анализ капиталистической эволюции в США, странах Европейского союза, африканских, арабских и других государствах подтвердил системный кризис неолиберальной формы капитализма, основанной на свободном рынке. Исследования других английских экономистов также показали, что развитие финансовых институтов капитализма изменило его первоначальную конкурентную природу [10].

Конкурентоспособность фирм и национальных экономик в современных условиях во все большей степени определяет использование не локальных, а общественных производительных сил и инфраструктуры. Она детерминируется не столько эффективностью производства, разработкой и освоением нововведений, качеством менеджмента и т. п., сколько внешними по отношению к фирме факторами, в том числе изменением валютных курсов и потоков капитала, организованным транснациональными инвестиционными и хеджевыми фондами. Зарубежные экономисты подтвердили: современный глобальный капитализм нанес сокрушительный удар по своим защитникам, его первоначальная природа изменилась, расплавилась (*meltdown*) [11].

Анализ размещения активов, банковского и кредитного регулирования, цены денег показал, что глобализация рынка лишила капитализм его основы — производительного капитала. Наибольшую прибыль приносят не реальное производство, а финансовые спекуляции, не связанные с производственными инвестициями. «Американская мечта» о массовом предпринимательстве погибла в ходе трансформации институтов современного капитализма под воздействием кризисов финансовой системы, высокого левериджа (необеспеченных кредитов) и валютных войн [12].

В работах современных зарубежных экономистов преобладает экономико-социологический подход, основанный на сравнительном анализе институциональных изменений, организации бизнеса, публичных финансов, налоговой политики, структуры зарплаты и роли профсоюзов. Выполненная в Оксфордском университете на материалах ФРГ работа показала, что концепция рациональных ожиданий, базовая для классической политэкономии, не адекватна современным условиям [13]. Исследователи Кембриджа [14] также пришли к выводу о трансформации капитализма в новую экономическую систему, при которой неолиберальная политика увеличивает неопределенность и хаос, подрывает экономическую безопасность, приводит к массовому переводу рабочих мест в Китай и другие страны Юго-Восточной Азии. Исследование глобальных технологических сдвигов, демографических изменений, роли ТНК, изменения форм занятости на десяти рынках труда подтвердило, что современный капитализм отличается неустойчивостью, непрочностью, ненадежностью (*precarious*).

К таким же выводам привел анализ изменений в корпоративной собственности, выполненный английскими экономистами [15], и исследование технологической культуры постфордизма в условиях сетевого производства и цифровых технологий, проведенное в США [16; 17].

Нобелевский лауреат Дж. Стиглиц, выступая осенью 2010 г. в Колумбийском университете, объявил о кончине капитализма в его традиционном понимании. Развивая идеи, высказанные еще в 1990-е годы Л. Туроу в его книге «Будущее капитализма», Дж. Стиглиц отметил, что термин «капитализм» приобрел ныне совершенно новое содержание и выделил четыре его фазы — конкурентный (до начала XX в.), монополисти-

ческий (основными владельцами капитала стали ТНК), социальный (перераспределительные функции государства усилились под воздействием революции 1917 г. в России и стали преобладающими в конце XX в.), государственный. По прогнозу Стиглица, суверенные государственные фонды Китая, Объединенных Арабских Эмиратов (ОАЭ), Норвегии, Сингапура, России и т. д. вырастут в 2010–2015 гг. с 3,8 до 10–12 трлн долл. и будут определять развитие глобальной экономики.

Однако изменение формальной структуры собственности нельзя считать определяющим фактором. Государственные корпорации Бразилии, Норвегии, Сингапура, ОАЭ, а также в значительной мере Китая и многих других стран не отличаются по формам хозяйствования от частных компаний. Переход в государственную собственность обанкротившихся «Дженерал Моторс» и других компаний и банков США, Англии и ряда других стран — временное явление. В 2010–2011 гг. они предполагают продать непрофильные активы, провести эмиссию акций, вернуть кредиты государству и снова стать частными. В России, где доля государства в общей стоимости активов достигла критического уровня (60%), принята программа приватизации, в том числе таких системообразующих ОАО, как Сбербанк, ВТБ и «Связьинвест».

Наиболее радикальной переменной является превращение индустриального капитализма в рентный, прогрессирующее подчинение реальной экономики виртуальной, в которой капитал растет не в процессе производства товаров и необходимых людям услуг, а с помощью многообразных, прежде всего не контролируемых государством, финансовых инструментов. Традиционный капитализм уничтожил не восставший пролетариат, а сами капиталисты, сделавшие основным полем своей деятельности финансовый, рекламный и шоу-бизнес. По данным Всемирного банка, рынок ценных бумаг достиг двух квадриллионов долларов, причем 4/5 этой суммы обращаются вне бирж по прямым договорам финансовых ТНК. Финансовые активы превосходили мировой ВВП в 1980-е годы в 1,2, а в 2010 г. — уже в 4 раза. Торговля нефтяными фьючерсами в 20 раз превышает реальный оборот нефти. Это означает, что капитализм лишился своей реальной конкурентной основы.

Классическая экономическая теория рассматривала преимущественно природную, прежде всего земельную, ренту. В современных условиях под рентой можно понимать любую форму перераспределения национального богатства с помощью монополии на дефицитные ресурсы. Финансовая рента выступает не только в виде ссудного процента, но прежде всего как прибыль от эмиссии деривативов и мировой резервной валюты (здесь монополией обладают США). Технологическая рента базируется на монопольном владении интеллектуальной собственностью, что многие экономисты справедливо считают неправомерным.

Административная рента основана на монополии власти. Ею обладают не только государство (в России государственно-частное партнерство нередко превращается во взимание ренты за допуск частного бизнеса на приоритетные рынки), но и мафиозные структуры, которые в ряде стран требуют плату за допуск на контролируемые ими рынки. Важным источником ренты является монопольное владение инсайдерской информацией, которую чиновники и высшие менеджеры продают участникам фондового, валютного и земельного рынков. В США в 2010 г. по этому поводу возбужден беспрецедентный иск против компаний Уолл-стрита.

Рентный капитализм разрывает прямую связь потребителей и поставщиков, главную роль в экономической системе начинают играть финансовые посредники. Во всех

странах резко увеличился разрыв в доходах между сферой финансов, а также виртуальных услуг и реальным производством.

Многие экономисты пишут о конце капитализма, как раньше писали о конце истории, цивилизации и т. д. Для такого вывода нет оснований. Капитализм, как показал его многовековой опыт, — гибкая, трансформируемая и многообразная экономическая система. Будущий экономический строй можно назвать постиндустриальным капитализмом. Этот экономический строй базируется на использовании общественных производительных сил и потому имеет общие черты с социализмом в его добольшевистской марксистской трактовке. Однако он сохраняет главные отличительные черты капитализма — частную собственность (все чаще не физических лиц, а публичных корпораций, принадлежащих институциональным инвесторам) и конкуренцию (она перестает быть игрой с нулевой суммой и приобретает черты соревнования).

Формирующийся экономический механизм по-прежнему базируется на горизонтальных связях автономных (государственных и негосударственных) владельцев капитала, заинтересованных в приросте его стоимости и самостоятельно принимающих ориентированные на эту цель управленческие решения.

Характерные черты постиндустриального капитализма

Анализ уже сложившихся тенденций позволяет выделить существенные черты постиндустриального капитализма.

1. *Новый технологический уклад*, как предвидел еще полвека назад Дж. Гэлбрейт, соединяет нано-, био-, информационные и когнитивные (связанные с управлением деятельностью и поведением человека) технологии. Производственный процесс при этом означает преобразование не только формы, но и структуры предмета труда на атомно-молекулярном и клеточном уровнях. Доля этих технологий в мировом ВВП сейчас составляет 3–5%, но к 2020 г. они станут локомотивом экономики и откроют новый Кондратьевский цикл. Это позволит размещать производство безотносительно к источникам традиционных видов природного сырья, откроет новые перспективы для высокотехнологичного малого бизнеса, малых городов и сел (из 150 тыс. российских деревень в 30 тыс. уже нет постоянного населения). Главное место в структуре издержек займут не материальные и транспортные расходы, а создание алгоритмов для индивидуального производства, обучение кадров, энергообеспечение, обновление оборудования. Все большую часть добавленной стоимости будут создавать специалисты, работающие дома без использования наемного труда.

2. *Изменение структуры факторов экономического роста*. Основой экономики знаний становятся развитие и эффективное использование общественных производительных сил, не находящихся в частной собственности, — науки, социальной, организационной и экологической культуры, образования, глобальной инфраструктуры, включая Интернет, водохозяйственную, климатометеорологическую, экологическую, инновационную и другие ее виды. Цель социально-экономического развития на макро- и микроуровне — развитие человека, а не только накопление материальных благ. Это означает, что экономика на деле будет подсистемой общества.

Цель гражданского общества не сводится к сумме целей хозяйственных субъектов. Недавний кризис доказал, что интересы США не совпадают с целями «Дженерал

Моторс». Точно так же не совпадают интересы России и Газпрома. Выпадение общественного интереса из предмета политической экономии привело к тому, что экономическую политику определяют кланы чиновников и лобби корпораций. В 2011 г. российские самолеты были практически полностью заменены зарубежными. Это выгодно перевозчикам, поскольку топливная эффективность импортной техники пока еще выше, а также бюджету, поскольку уменьшаются дотации на реконструкцию устаревших заводов. Однако общество в целом проигрывает, поскольку ненужным становится отечественный научно-технический комплекс, резко сокращается число рабочих мест высококвалифицированного труда и создаваемая там добавленная стоимость, растут расходы на обслуживание техники за рубежом и поставку запчастей.

Культура как совокупность институтов (установок, ценностей, учреждений) определяет степень доверия между людьми, хозяйственными субъектами и властью, а в конечном счете конкурентоспособность фирм и национальной экономики. По оценке Всемирного банка, человеческий капитал в развитых странах обеспечивает 60% прироста ВВП (в России — 15%), природные ресурсы — 10% (в России — 55%), роль инвестиций в основные фонды сократилась до 30%. В этих условиях ВВП, рассчитываемый как сумма доходов всех хозяйственных агентов, уже нельзя считать главным критерием развития экономики, поскольку в его составе быстро растет доля виртуальных финансовых операций, шоу-бизнеса и других услуг, не связанных с улучшением качества жизни, а также воздействие колебаний валютных курсов. Комиссия под руководством Дж. Стиглица предлагает дополнить ВВП системой обобщающих показателей реального общественного богатства, качества жизни и фундаментальной стоимости материальных и нематериальных активов. Росстат предлагает по опыту других стран включить в ВВП доходы от проституции, контрафакта, торговли наркотиками и т. д. Это улучшит показатели, по которым отчитывается руководящее Росстатом Министерство, но не приблизит Россию к инновационной экономике.

3. *Преобразование природы капитала.* Его сущность как самовозрастающей стоимости не изменилась, но сам капитал представлен не только материальными средствами производства и финансовыми ресурсами, но прежде всего нематериальными активами — новыми технологиями, методами организации технологии и управления, деловой репутацией (гудвилл). Доля интеллектуальной собственности на балансах фирм США и ЕС достигает 50–80%, а в России всего 1–2%, поскольку общая стоимость этой собственности (за исключением авторских прав литераторов и музыкантов) не учитывается и не оценивается.

Приток иностранного капитала в Россию определяется по устаревшим методикам. Организуя сборочное предприятие, иностранные инвесторы ввозят в Россию лишь оборудование, которое через несколько лет устаревает, оставляя в своей собственности главное — компетенции, технологии, бренд. Эти предприятия не связаны с российским научно-техническим комплексом, что делает ненужными отечественных специалистов. По оценке Всемирного банка, Россию за последние 20 лет покинуло более 11 млн граждан (15% из них — медики), одна треть докторов по естественно-научному профилю (оценка РАН). Приехало более 20 млн, но среди них преобладают не специалисты, а гастарбайтеры. По уровню развития человеческого потенциала, исчисляемому ООН, Россия занимает лишь 65-е место из 109 стран, хотя по уровню образования и гендерного равенства занимает более высокое (41–42-е) место. Позиции России в этом рейтинге в 1990-е годы резко ухудшились, но в последние годы стали улучшаться.

В экономической литературе проблемы теории капитала начали широко обсуждаться. Интеллектуальная собственность в постиндустриальной экономике не может быть ни индивидуальной, ни государственной. Создатели Интернета не запатентовали свое открытие, обеспечив свободный и равноправный доступ к глобальной информации всем пользователям. По оценке американских экономистов, судебные разбирательства по поводу патентов обходятся в 500 млрд долл. в год. Ведущие компании озабочены не столько инновациями, сколько сохранением своей технологической монополии. России приходится встраиваться в сложившуюся еще в индустриальной экономике систему оценки, защиты и трансфера интеллектуальной собственности, но еще более важно обоснование необходимости перехода к новой системе, при которой пучок прав собственности включает не только владение и распоряжение активами, но и социально-экологические обязательства по их использованию в интересах общества.

Для постиндустриальной экономики характерно многообразие форм собственности. Государственные нефтегазовые компании Норвегии и Бразилии ничем не уступают лучшим частным фирмам.

4. *Новая природа конкуренции и модель фирмы.* Конкуренция, защита прав собственности и соблюдение контрактов — три кита капитализма, однако конкуренция перестала быть войной всех против всех. Участники горизонтальных сетей и альянсов конкурируют между собой, но в то же время сотрудничают, поскольку имеют общую цель и добровольно передают друг другу право принятия решений по согласованному кругу вопросов [18], осуществляют совместно инновационно-инвестиционные проекты.

Работы Нобелевских лауреатов 2010 г. Э.Остром и О.Уильямсона по теории управления общественными ресурсами, эволюции институтов коллективных действий и теории поиска опровергают тезис классической экономической теории о том, что конкуренция всегда приводит к единственно верному и наиболее эффективному результату. Это подтверждают данные о громадных различиях в цене одинаковых товаров и сроках их реализации, зарплате работников одинаковой квалификации и т. д. Выводы авторов современной теории аукционов (которые были лауреатами Нобелевской премии 2007 г.) позволяют распределять товары с учетом не только совокупной выручки, но и ценности этих товаров для различных покупателей.

Постиндустриальная фирма представляет собой уже не только микроэкономическую (производство и реализация товаров и услуг), но и мезоэкономическую структуру (планирование и организация научно-производственного цикла на определенном сегменте рынка на базе долгосрочных контрактов). Это стирает традиционные грани между макро- и микроэкономикой, предполагает переход от отраслевой (по происхождению и методам обработки сырья) к сегментной специализации (по назначению продукции), от вертикальной (в составе иерархических структур) к горизонтальной интеграции (на сетевой и кластерной основе). Аутсорсинг и специализация на ключевой компетенции освобождают предприятия от вспомогательных и обслуживающих цехов, многих служб управления, что резко сокращает их средние размеры.

Принципиальные изменения в механизм конкуренции вносит система технологических нормативов и социальных стандартов, согласующих частные и общественные интересы. В отличие от советских ГОСТов, они регламентируют не применение конкретных технологий, а использование общественных природных ресурсов, безопасность и надежность товаров и услуг, правила раскрытия информации, а также минимальный уровень материальных и социальных благ, гарантируемый каждому гражданину во всех

регионах страны. В развитых зарубежных странах эти нормативы обязывают капиталистов даже в ущерб собственной прибыли сокращать ресурсоемкость производства и негативное воздействие на окружающую среду. В России из-за отсутствия таких нормативов накоплено свыше 3 млрд т отходов и свалок, нарушающих экологию.

5. *Новая структура экономики и рабочих мест.* Противопоставление «старой» и «новой» экономики неправомерно, а тезис о «ресурсном проклятии» опровергает опыт Норвегии, которая из бедной аграрной страны превратилась в мирового лидера по конкурентоспособности экономики, развитию человеческого потенциала и качеству жизни. Постиндустриальная экономика не вытесняет традиционные отрасли АПК, добывающей и легкой промышленности, а превращает их в высокотехнологичные и наукоемкие комплексы.

Особое значение имеет обеспечение в новых условиях рациональной занятости населения. По данным специальных исследований, лишь 10–15% граждан имеют предпринимательские и инноваторские способности. В США и ряде стран ЕС безработица достигает 10–20%, при этом миллионы людей из поколения в поколение живут за счет социальных пособий. В России безработица к 2011 г., по данным Росстата, составляла около 7%, но серьезную опасность представляет рост маргинальных социальных групп, преимущественно в малых городах, поселках, северных деревнях, людей, которые не работают и не учатся, а живут за счет пенсий старших сородичей, мелких краж, браконьерства и т. д. В частных охранных структурах занято, по оценке МВД, 900 тыс. человек — почти столько же, сколько в армии, и больше, чем научных работников (500 тыс.) и преподавателей вузов (370 тыс.), вместе взятых.

Новые рабочие места должны быть созданы в различных отраслях инфраструктуры, причем этот комплекс действует в весьма специфичных, отличных от чисто рыночных, условиях, в сфере услуг, прежде всего в образовании, здравоохранении, социальном обслуживании, консалтинге, а также в сфере производства экологичного продовольствия и нанопродукции, при глубокой переработке и комплексном использовании сырья, в лесном, водном и туристическом комплексе, в логистике перевозок между Азией, Европой и Америкой.

Интересен опыт Китая, который переходит к новой экономической модели, ориентированной на увеличение не экспортной прибыли, а добавленной стоимости за счет новых рабочих мест в транспортно-логистической, экологической и социальной инфраструктурах. Инфраструктурные услуги в соответствии с постиндустриальной логикой рассматриваются при этом как опекаемое благо, которое окупается не за счет прибыли, а с учетом экстерналий, т. е. внешнего, сопряженного эффекта. В Китае не проводилась приватизация заводов и фабрик, не отменено регулирование потоков капитала, компании со стопроцентным иностранным капиталом разрешается создавать только при условии экспорта всей продукции. При работе на внутренний рынок интеллектуальную собственность, включая бренд, получает Китай. Китайская компания купила лицензию на производство жидкокристаллических дисплеев, заняла более трети их мирового рынка и построила 15 заводов, в том числе в Санкт-Петербурге. Для стран Африки это — безусловный плюс (нужная продукция, рабочие места, налоги). Для России это означает утрату компетенции еще в одном высокотехнологичном секторе: китайский завод не нуждается в выпускниках петербургских вузов.

6. *Новая роль государства.* Либертарианцы предлагают прежде всего сократить долю госбюджета в ВВП (в развитых зарубежных странах и России она составляет

25–40%). Однако такая количественная оценка бессодержательна. Китай, где государство играет решающую роль в развитии экономики, имеет вдвое меньшую долю расходов в ВВП, поскольку там отсутствует всеобщая система пенсий и социального страхования, престарелых родителей обязаны содержать сыновья, из-за чего число мужчин благодаря избирательной семейной политике оказалось на 70 млн больше, чем женщин.

Постиндустриальное государство отличается не количественно, а качественно. Оно не должно заниматься добычей нефти и газа, перевозкой грузов, производством товаров и услуг, которые может выпускать частный бизнес. Его функция состоит в организации индикативного планирования, прогнозирования и программирования, государственно-частного партнерства, в развитии и эффективном использовании общественных производительных сил, оказании общественно важных услуг, которые невыгодны, слишком рискованны или недоступны для частного бизнеса. Из-за отсутствия законодательно установленных нормативов и стандартов госорганы выполняют в основном порождающие коррупцию разрешительно-надзорные функции. Многие из них избыточны, дублируют друг друга и могут быть переданы некоммерческим саморегулируемым профессиональным организациям. При этом гражданское общество выступит посредником между государством и рынком, определяя стоимость заключения и исполнения контрактов, что укрепит взаимное доверие на рынке.

Это государство будет основано не на представительной, а на непосредственной демократии, базирующейся на широком распространении современного Интернета. Цифровое телевидение, электронная печать, широкополосный Интернет открывают всем гражданам свободный доступ к бесцензурной информации, что приводит к диверсификации массового сознания, создает новые возможности для реальной политической конкуренции.

Все страны в той или иной мере нуждаются в модернизации экономики, т. е. в приведении экономической системы в соответствие с новыми, современными, постиндустриальными требованиями. В последнее время опубликованы работы, в которых обосновывается необходимость существенных изменений во взаимоотношениях власти и рынка [19], демократии и модернизации [20]. По данным опроса Левада-центра (2010 г.), 61% россиян считают участие государства в развитии экономики недостаточным и только 5% — чрезмерным. В посланиях президентов России Федеральному собранию, в работах Д. А. Медведева содержится острый критический анализ истории и современного состояния российской экономики [21].

Производительность труда и, соответственно, среднедушевые доходы в США втрое выше, чем в России. Однако обе эти страны живут лучше, чем это допускает эффективность их производства, они не в состоянии покрыть взятые на себя социальные обязательства, их пенсионные фонды находятся под угрозой. И США, и Россия допустили ликвидацию рабочих мест в легкой промышленности и других отраслях, где выпускаются стандартные товары, импортируют их из стран с более низкой оплатой труда.

Разница состоит в том, что США получают финансовую и технологическую, а Россия — природную ренту. По оценке Д. Львова, разность между затратами на добычу и доходами от реализации природных ресурсов составляет 70% совокупного национального дохода России, доход на капитал — 20%, а добавленная трудом стоимость готовых товаров и услуг — лишь 5% [22]. США будут получать ренту, пока могут бесконтрольно эмитировать мировую резервную валюту и привлекать к себе ученых со

всего мира. Сохранение в России природной ренты в ее нынешнем размере уже в среднесрочной перспективе маловероятно из-за снижения ресурсоемкости производства, исчерпания богатых месторождений, развития альтернативной энергетики и производства синтетических наноматериалов.

По данным Всемирного банка, в 2000–2009 гг. душевой ВВП в России увеличился в рыночных ценах в 5,5 раза, средняя зарплата в долларовом выражении — в 8,4, а средний размер пенсий — в 7,5 раза. В 2010 г. был превышен докризисный уровень доходов, хотя ВВП достигнет этого уровня лишь в 2012 г. Исследование Левада-центра показало, что число россиян, у которых не хватает денег на еду, сократилось в 2001–2010 гг. с 23 до 9%, хватает на еду, но не на одежду — с 42 до 27%. Выросло с 21 до 48% количество россиян, которым не нужно бороться за физическое существование своей семьи, поскольку у них хватает денег и на еду, и на одежду (но не на товары длительного пользования). С 6 до 16% выросла доля обеспеченных семей, доходов которых хватает на все, кроме недвижимости и современного автомобиля. Эти люди социально активны, представляют новую категорию потребителей и могут реально участвовать в модернизации экономики.

Однако Россия заняла последнее место среди крупных стран по темпам роста производительности труда и капитала. По данным журнала «The Economist», этот темп в 1990–2008 гг. составил в России в среднем 0,2%, в США — 1,2, в Индии — 2,8, в Китае — 4%. Рост благосостояния в России был достигнут за счет следующих основных факторов — роста доли экспортируемых природных ресурсов (в 1980–2009 гг. произошло увеличение доли экспортируемого угля — с 5 до 35%, газа — с 10,7 до 28,8%, нефти — с 19,7 до 58,4%, леса — с 5,5 до 34%), роста среднегодовых цен (на нефть — в 2,2, газ — в 2,9 раза) и перераспределения ренты в пользу социальных расходов (налоги на нефтяников выросли за это время в 5 раз). Рентный характер носит и увеличение доли потребления домохозяйств (в 2009 г. с 48 до 53,6%) и органов госуправления в ВВП (с 12,2 до 20%) при сокращении доли накопления на 6,6% [23, р. 15]. По расчетам В. Иноземцева, основанным на данных Росстата, это привело к увеличению среднего срока службы промышленного оборудования в 1987–2010 гг. с 10,7 до 17 лет, а износа основных фондов — с 36 до 48,8% [24], что делает невозможным выпуск конкурентоспособной продукции. Как отметил А. Кудрин [25], российская экономика сползает к докризисной, бесперспективной модели развития.

К синтезу теоретических концепций и программ модернизации

Современные модели неравновесного рынка позволяют сравнить и использовать различные программы модернизации экономики, не противопоставляя их друг другу. Мобилизационный вариант предлагает использовать опыт советской модернизации, когда в течение нескольких лет была создана научная и производственная база ядерной энергетики, которая до сих пор занимает лидирующие позиции в мире. Как отмечал У. Черчилль, если мы поссорим прошлое с настоящим, то потеряем будущее. Опыт реального стимулирования в «стране мечтателей, стране ученых», опыт разработки и реализации целевых программ необходимо использовать, однако нельзя забывать, что в строительстве атомных объектов участвовали сотни тысяч заключенных, видные специалисты были привезены из Германии, и некоторые секреты получены от сочувствующих коммунизму зарубежных ученых. У современной России таких возможностей нет.

Либеральная концепция рекомендует в первую очередь политическую либерализацию, рассчитывая на вступление России в ЕС и обновленное НАТО [21]. Заслуживают всемерной поддержки предложения об ограничении контрольно-надзорных функций государства, о развитии конкуренции взамен монополизма, превращении малого и среднего бизнеса в локомотив экономики. Нельзя согласиться с идеей о быстром снижении импортных пошлин и ограничений на покупку российских предприятий иностранными инвесторами. Российская обрабатывающая промышленность в основном неконкурентоспособна, а мощности за рубежом недогружены. Как показал опыт ряда известных в прошлом заводов Санкт-Петербурга, зарубежные владельцы превращают их в конторы по продвижению и обслуживанию импорта. «Невидимая рука рынка» в условиях глобализации при поддержке «мохнатой лапы» внутренней коррупции развалит российскую экономику.

Индустриальная концепция модернизации, выдвигаемая многими известными экономистами, требует во избежание чрезмерных затрат и рисков отказаться от завоевания ведущих позиций в мировой экономике знаний, ограничившись восстановлением традиционных отраслей промышленности. В. Иноземцев приводит на этот счет развернутую статистику [26]. Однако Россия не может конкурировать со странами Азии и Латинской Америки в производстве стандартной массовой продукции.

Единственный выход — инновационная модернизация, сочетающая развитие базовых отраслей индустрии и инфраструктуры с созданием новых брендов в высокотехнологичных отраслях. Как гласит восточная пословица, когда караван поворачивает, хромящий верблюд может оказаться впереди.

Общий вывод состоит в том, что недавний глобальный кризис является системным. Это показало исследование, проведенное на Экономическом факультете СПбГУ [27]. «Пузыри» на рынке ипотечных и других ценных бумаг, ошибки государственной политики США, России и других стран могут углубить кризис, но не являются его коренной причиной. Кризис обнажил глубинное противоречие: устойчивое развитие мировой и национальной экономики во все большей степени определяется развитием и использованием общественных производительных сил, многие из которых имеют нетоварную природу, финансируются за счет внефирменных источников, приносят внешний, не выражаемый в текущей прибыли эффект. В то же время хозяйственный механизм по-прежнему ориентирован на максимизацию любыми путями частной локальной прибыли, а не совокупной добавленной стоимости. Компании, эксплуатирующие общественные ресурсы, должны быть публичными корпорациями, а не находиться в индивидуальной и часто анонимной частной собственности, как это имеет место в России. Планы российской модернизации до сих пор сводятся к относительно локальным программам и проектам, не позволяющим органично соединить ее технологические, организационно-экономические и социально-политические аспекты.

Литература

1. Климов В. Особенности современной динамики мирового хозяйства // Вопросы экономики. 2010. № 9.
2. Руднев М. Базовые ценности россиян и других европейцев // Вопросы экономики. 2010. № 12.

3. Нанотехнологии как ключевой фактор нового технологического уклада в экономике / под ред. С. Ю. Глазьева, В. В. Харитоновой. М., 2009. 256 с.
4. *Баумков И.* Будет ли экономический рост в России в середине XXI века? // Вопросы экономики. 2011. № 3.
5. *Вудфорд М.* Сближение взглядов в макроэкономике: элементы нового синтеза // Вопросы экономики. 2010. № 10.
6. *Flaschel P.* The Macrodynamics of Capitalism: Elements for a Synthesis of Marx, Keynes and Schumpeter. 2 ed. Berlin, 2009.
7. *Vail M.* Recasting Welfare Capitalism: Economic Adjustment in Contemporary France and Germany. Philadelphia, 2010. 228 p.
8. Contemporary capitalism and its crisis: social structure of accumulation theory for the 21-st century / ed. by T. McDonough, M. Reich, D. Kotz. Cambridge University Press, 2010. 360 p.
9. *Carney R.* Contested Capitalism: the Political Origins of Financial Institutions. London, 2010. 189 p.
10. *Wolff R.* Capitalism Hits the Fun: the Global Economic Meltdown and what to do about it. Northampton, Mass., 2010. 262 p.
11. *Heller M.* Capitalism, Institutions and Economic Development. London, 2009. 312 p.
12. *Chorafas D.* Capitalism without Capital. Basingstoke, 2009. 264 p.
13. *Streeck W.* Re-forming Capitalism: Institutional Change in the German Political Economy. Oxford University Press, 2009. 297 p.
14. *Doogan K.* New Capitalism: the Transformation of Work. Cambridge, 2009. 234 p.
15. *Soederberg S.* Corporate Power and Ownership in Contemporary Capitalism: the Politics of Resistance and Domination. London, 2010. 195 p.
16. *Fisher E.* Media and new Capitalism in the Digital Age: the Spirit of Networks. New York, 2010. 259 p.
17. *Centeno M., Cohen J.* Global Capitalism: a Sociological Perspective. Cambridge, Mass., 2010. 246 p.
18. *Ведин Н. В.* Экономическая неоднородность обмена в хозяйственной эволюции общества. СПб., 2006.
19. *Олейник А.* Власть и рынок: система социально-экономического господства в России нулевых годов. М.: Роспан, 2010.
20. Демократия и модернизация: к дискуссии о вызовах XXI века / под ред. В. Иноземцева. М.: Европа, 2010 .
21. *Медведев Д. А.* Россия на пути к правовому государству: в 3 т. М.: Инсор, 2010.
22. Россия XXI века. Образ желаемого завтра. М.: Инсор, 2010.
23. The Economist. 14.11.2009.
24. Ведомости. 15.11.2010.
25. *Кудрин А.* Последствия кризиса и перспективы социально-экономического развития России // Вопросы экономики. 2011. № 3.
26. Ведомости. 11.10.2010.
27. Мировой экономический кризис и Россия: причины, последствия, пути преодоления: итоговый доклад. СПб.: Изд. центр Экономического факультета СПбГУ, 2009.

Статья поступила в редакцию 15 июня 2011 г.